

ЖЕНСКИЙ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИЙ КОСТЮМ V — НАЧАЛА VI вв. В СЕВЕРНОЙ ГАЛЛИИ: ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Работа посвящена эволюции женского убора восточногерманской традиции у варваров в Северной Галлии в раннемеровингское время (середина V — первая треть VI вв.). В первом поколении у варварских мигрантов сохраняется типичный восточногерманский женский убор с двумя фибулами на плечах. В следующих поколениях происходит постепенная деформация, а затем и исчезновение этого костюма.

Ключевые слова: восточные германцы, Галлия, раннемеровингское время, женский убор.

В раннемеровингских некрополях Северной Галлии среди женских погребений доминируют ингумации с убором, восходящим к романской традиции (рис. 1), куда входят, в частности, малые фибулы-броши, при полном отсутствии арбалетных, пальчатых и двупластинчатых фибул, большие поясные пряжки, не сопровождающиеся фибулами¹ [Marti, 1990, S. 49—54; Martin, 1991; 1991a, S. 646—652; 1994, S. 567—574] или же погребения, содержащие лишь единичные предметы убора [Martin, 1988]. Хорошо представлены в Северной Галлии и ингумации с костюмом, характерным для западных германцев, причем не только для франков, но и для аламаннов, тюрингов, лангобардов, баюваров (рис. 2; 3, 1, 2). В нем присутствуют малые фибулы-броши на груди и пара пальча-

тых фибул в нижней части тулова, возможно, прикрепленные к юбке или специальной ленте [Clauss, 1987; Périn, Kazanski, 2006, p. 192; Казанский, Перен, 2013, л. 13, 1, 2]. Первый убор по происхождению связан с цивилизацией галло-римлян, составлявших подавляющее большинство населения, второй, очевидно, отражает влияние франков, игравших тогда в Северной Галлии ведущую военно-политическую роль. При этом необходимо отметить, что, с точки зрения антропологии, популяции, оставившие эти могильники, выглядят довольно гомогенно, и погребения с разными типами костюма в некрополях отдельных групп не образуют. Видимо, процесс ассимиляции «пришельцев»- франков зашел очень далеко. Это не удивительно, если помнить, что франки на территории Римской империи в качестве постоянного населения фиксируются уже в IV в. [Périn, Feffer, 1997, p. 69—77].

На тех же раннемеровингских могильниках выделяются, однако, относительно немногочисленные женские погребения середины V — первой трети VI вв. с убором инородного происхождения, связанным, в первую очередь, с разными регионами германского мира [Périn, Kazanski, 2006; Kazanski, Périn, 2009]. При этом практически везде, где представлены эти захоронения, они образуют очень разнородную группу. Так, в некрополе Брени (Breny) в Пикардии [Kazanski, 2002] обнаружены погребения с элементами дунайско-лангобардского, аламаннского и восточногерманского (о котором речь пойдет дальше) уборов (рис. 4). На другом пикардийском могильнике, Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue) [Vallet, 1993], найдены погребения с восточногерманскими и аламаннскими элементами, а на могильни-

1. Отметим, однако, наличие могил с большими пряжками, не сопровождавшимися фибулами, у восточных германцев на среднем Дунае уже в V в. [Казанский, Перен, 2013, с. 258]. Также надо отметить, что женский костюм романской традиции известен, в первую очередь, по погребениям, где, скорее всего, были захоронены германские женщины [Marti, 1990, S. 49—54].

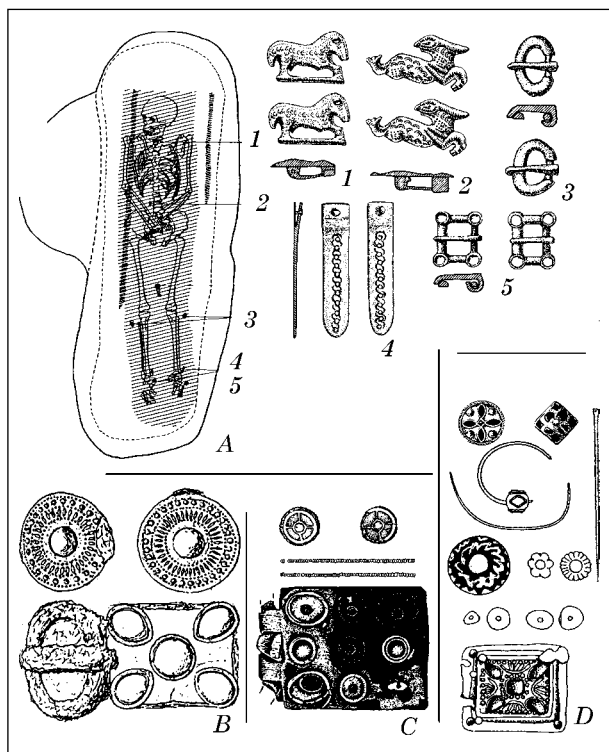

Рис. 1. Примеры погребений с убором романской традиции: А — Нион-Клементи (Nyon-Clémenty), погр. 27 [Martin, 1995]; В — Дуратон (Duratón), погр. 75 [Marti, 1990]; С — Фридингген (Fridingen), погр. 139 [Marti, 1990]; D — Френувиль (Frénuvиль), погр. 598 [Marti, 1990]

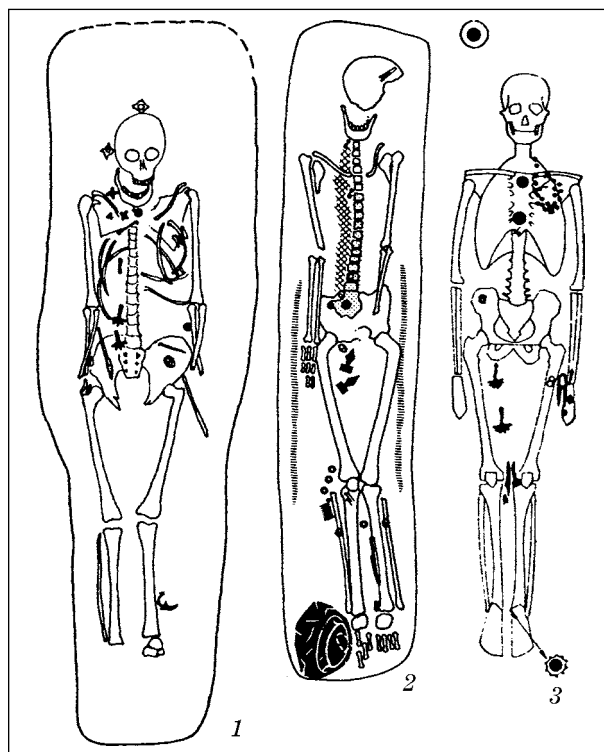

Рис. 2. Примеры погребений с убором западногерманской традиции у баюваров (1, 2) и лангобардов (3); 1 — Страубинг-Баюваренштрассе (Straubing-Bajuwarenstrasse), погр. 150; 2 — Гельтинг (Gelting), погр. 24; 3 — Варпалота (Várpalota), погр. 5. [Martin, 1995]

ке Нувион-ан-Понтье (Nouvion-en-Ponthieu), также в Пикардии [Piton, 1985], соседствуют женские погребения с восточногерманскими, аламанскими, тюрингскими и англо-саксонскими вещами. Та же картина наблюдается и в других регионах. Так в нормандском некрополе Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) [Pilet, 1994] представлены женские могилы с вещами восточногерманской (визиготской, остроготской и дунайской) и англо-саксонской традиций.

На всех этих памятниках доминируют погребения с костюмом романской и западногерманской традиций, о которых говорилось выше, захоронения с «иностранными» вещами находятся в явном меньшинстве и их дата охватывает только протомеровингское и раннемеровингское время (вторая половина V — первая треть VI вв.)². Судя по наличию сравнительно недорогих массивных украшений из бронзы и серебра, данные погребения принадлежат «среднему классу» меровингского общества, который в меровингской археологии определяется как «уровень Б» по классификации Р. Кристляйна [Christlein, 1973]. Отсутствие мужских могил с подобными инородными элементами

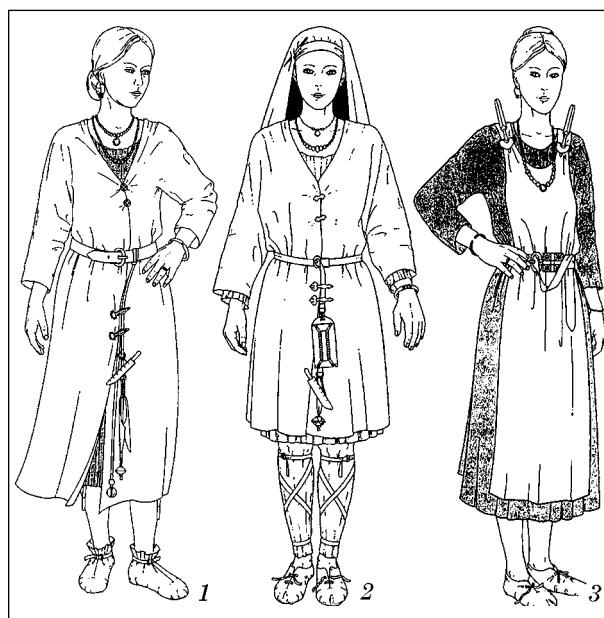

Рис. 3. Реконструкция костюмов западногерманской (1, 2) и восточногерманской (3) традиций [Казанский, Перен, 2013]

на этих могильниках понятно — мужской костюм по сравнению с женским в традиционных обществах менее консервативен, он всегда имитирует престижный воинский, в данном случае меровингский, убор. Женский же костюм, осо-

2. Протомеровингская фаза — 440/450—470/480 гг., раннемеровингская фаза 1 — 470/480—520/530 гг., согласно принятой для Галлии хронологии, см.: [Legoux, Périn, Vallet, 2009].

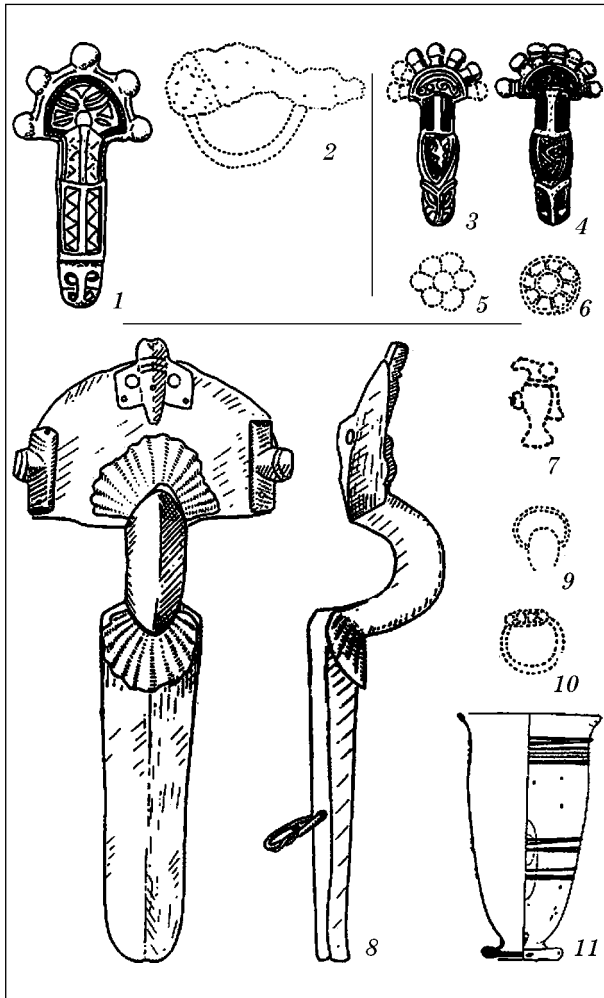

Рис. 4. Вещи инородного происхождения из некрополя Брени (Breney) в Пикардии: 1, 2 — погр. 277; 3—6 — погр. 704; 8—11 — погр. 167 [Kazanski, 2002]

бенно в средней социальной прослойке, более этнографичен, он дольше сохраняет традиционные черты [Мастыкова, 2009, с. 7, 8]. Поэтому появление в археологическом материале какого-либо региона варварской Европы инородных предметов женского убора чаще всего обоснованно интерпретируется как перемещение живых носительниц этого убора [Werner, 1970, S. 75—80; Стальсберг, 1994, с. 194; Bitner-Wróblewska, 2001, p. 124, 125].

Можно предположить, что сравнительно кратковременное появление гетерогенных групп инородного происхождения в составе раннемеровингских социумов, оставивших вышеперечисленные некрополи (их список может быть продолжен), отражает военную политику франков — меровингские короли расселяли дружины гетерогенного происхождения на контролируемой ими территории [Kazanski, Périn, 2009, p. 161—164]. Нечто подобное, кстати, можно наблюдать и на т. н. дружинных могильниках Древней Руси IX—X вв., где восточнославянские культурные элементы соседствуют со скандинавскими, фино-угорскими,

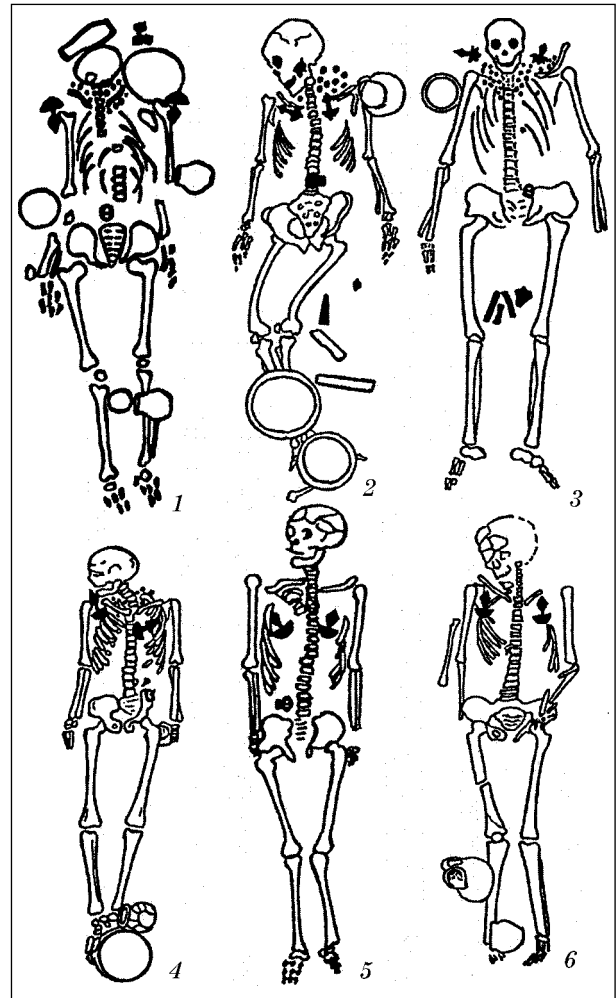

Рис. 5. Погребения черняховской культуры с женским убором восточногерманской традиции: 1 — Бырлад-Валя-Сякэ (Birlad-Valea-Seacă), погр. 279; 2 — Александру Одобеску (Alexandru Odobescu), погр. 11; 3 — Сумы-Сад, погр. 5; 4 — Гавриловка, погр. 88; 5 — Ранжевое, погр. 14; 6 — Тыргшор (Tîrghșor), погр. 107 [Мастыкова, 2011]

венгерскими, тюркскими, западнославянскими и пр.

В данном контексте нас интересуют погребения с элементами женского убора, восходящего к восточногерманской культурной традиции (рис. 3, 3). Такой убор в V — раннем VI вв. включает в себя пару фибул — двупластинчатых, пальчатых, арбалетных, птицевидных, — размещавшихся на грудной клетке или на плечах и часто сопровождавшихся большой поясной пряжкой [Казанский, Перен, 2013, 258, илл. 13, 3]. Костюм с фибулами на груди известен у восточных германцев вельбарской и черняховской культур (рис. 5) еще в римское время [Tempelmann-Maczyńska, 1989, S. 65—84; Гопкало, 2011; Мастыкова, 2011]. В эпоху переселения народов в первой половине и середине V в. женский восточногерманский убор с большими двупластинчатыми фибулами становится основой для формирования интернационального «княжеского» костюма т. н. горизонтов Унтер-

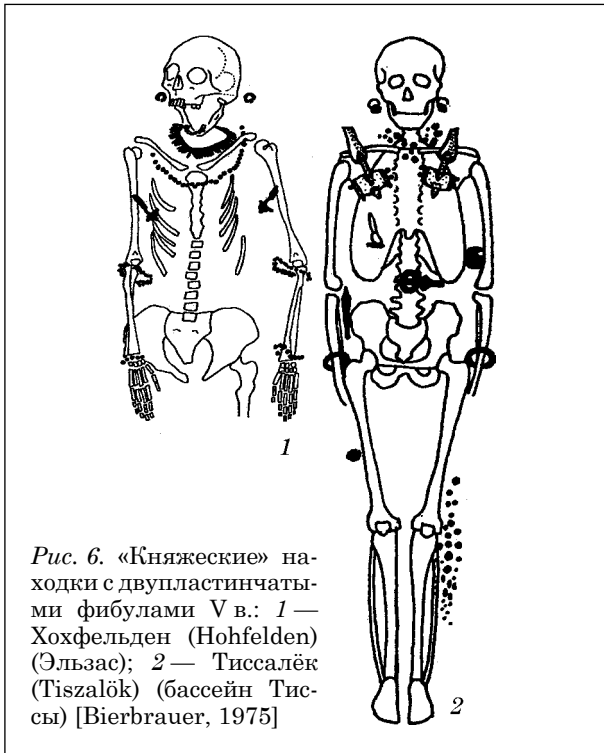

Рис. 6. «Княжеские» находки с двухпластинчатыми фибулами V в.: 1 — Хохфельден (Hohfelden) (Эльзас); 2 — Тиссалёк (Tiszalök) (бассейн Тиссы) [Bierbrauer, 1975]

зибенбрунн и Смолин (рис. 6), получившего широкое распространение от Пиренейского полуострова до Северного Кавказа [Bierbrauer, 1975, S. 71—78; Kazanski, Mastykova, 2003; Казанский, Мастыкова, 2005]. Разносимый престижными группами мигрантов восточногерманского происхождения, например, представителями знатных родов, довольно легко перемещавшимися от одного королевского двора к другому (см., напр.: [Périn, 1993; Kazanski, 1996; Казанский, 2011, с. 47, 48]), костюм знати начинает имитироваться представительницами «среднего класса» различных восточногерманских групп.

Обычно эта «демократическая» реплика престижного убора включала пару больших двухпластинчатых фибул из низкопробного серебра или бронзы, восходящих к типу Смолин, а также очень часто большую поясную пряжку с прямоугольным щитком. Этот костюм хорошо представлен в рядовых могилах Крыма (рис. 7) [Амброз, 1968; Айбабин, 1999, с. 107; Фурасьев, 2009] и Пиренеев (рис. 8) [Bierbrauer, 1994, S. 155—164; Ebel-Zepezauer, 2000; López Quiroga, 2010, p. 99—268], реже он встречается у визиготов в Южной Галлии [Казанский, Перен, 2013, с. 247, илл. 5]. Кроме того, на территории визиготского королевства в Южной Галии и Испании известны и женские погребения с большими парными птицевидными фибулами (рис. 9) [Казанский, Перен, 2013, с. 247, илл. 6, 1, 2], явно восходящие к знаменитым застежкам в виде хищных птиц из румынского клада Петроаса (Pietrasa) (рис. 10) первой половины V в. [Harhoiu, 1998, S. 92] и к женскому «кня-

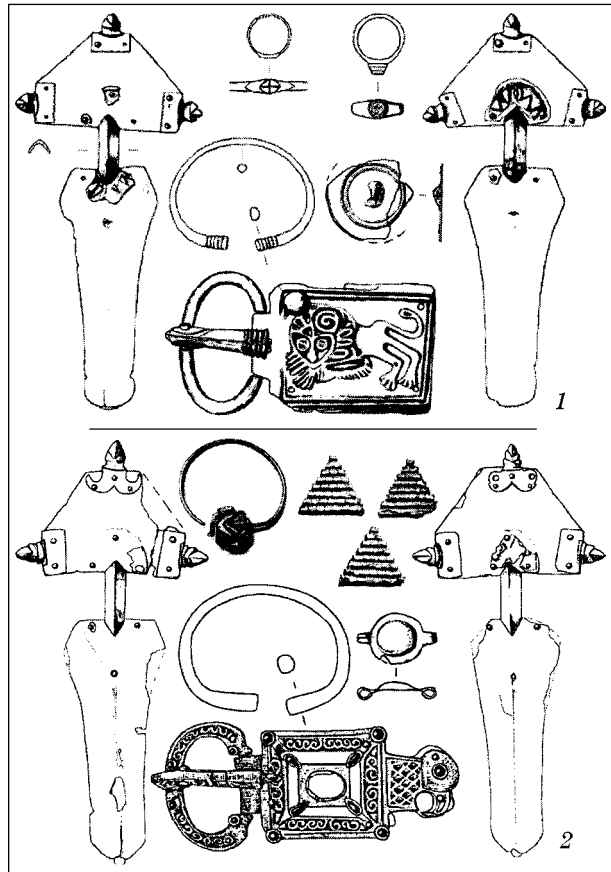

Рис. 7. Погребения с двухпластинчатыми фибулами из могильника Суук-Су в Крыму: 1 — погр. 91; 2 — склеп 56, погр. 5 [Фурасьев, 2009]

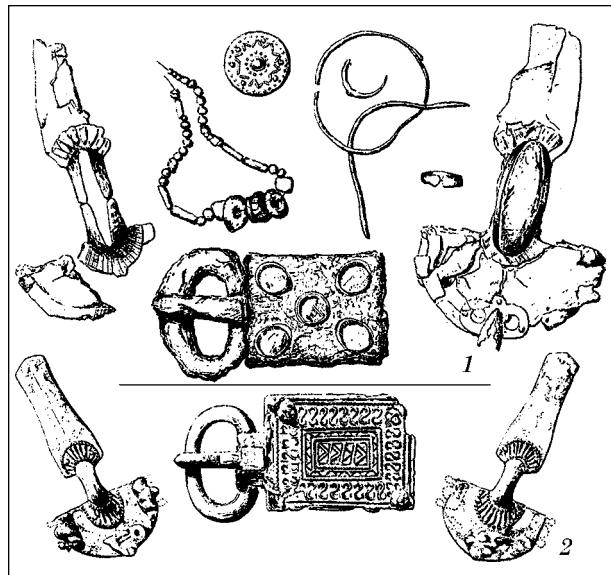

Рис. 8. Погребения с двухпластинчатыми фибулами из испано-визиготского могильника Дуратон (Duratón) в Старой Кастилии: 1 — погр. 190; 2 — погр. 525 [Kazanski, Mastykova, Périn, 2008]

жескому» костюму восточных германцев второй половины V в., известному по находке в Доманьяно (Domagnano) в Италии [Bierbrauer, 1994, 144, 145].

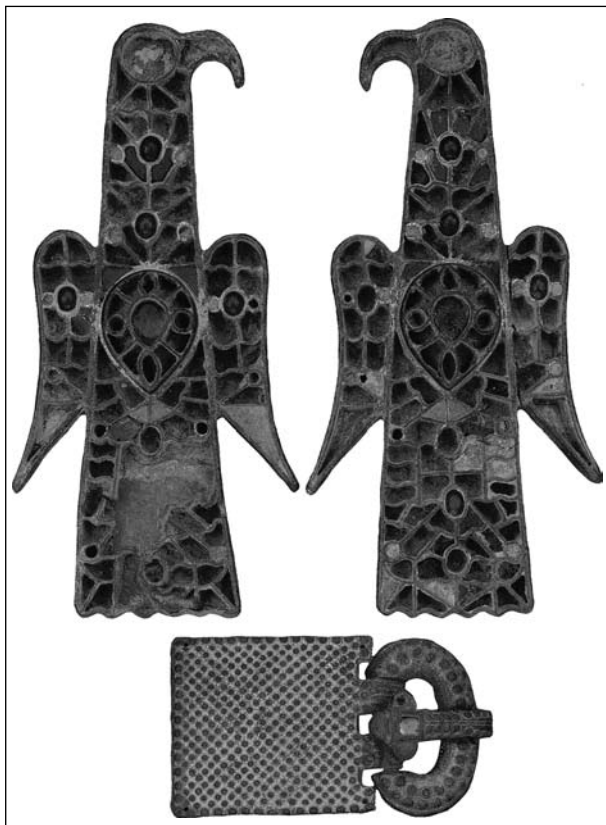

Рис. 9. Вещи из погребения Кастельсаграат (Castelsagrat) в Аквитании [Казанский, Перен, 2013]

Рис. 10. Птицевидные фибулы из клада Петроаса (Pietroasa) в Мунтении [Kazanski, 2009]

В Галлии, к северу от Луары, на территории раннемеровингского королевства³ также известен ряд женских погребений с парой больших двухпластинчатых фибул явно восточногерманского происхождения (рис. 11—13), явно чуждых как галло-римской, так и западногерманской традиции (о них см. выше), но зато очень напоминающих испано-визиготские могилы. Имеется в Северной Галлии и некоторое количество женских захоронений с пальчатыми, арбалетными (рис. 14) и птицевидными фибулами (рис. 15), имеющими параллели в погребениях испанских визиготов, а также с частями у восточных германцев большими пряжками с прямоугольным щитком [Bierbrauer, 1997; Kazanski, Mastykova, Périn, 2008; Pinar Gil, 2010; Казанский, Перен, 2013, с. 252—260].

На наш взгляд, эти погребения могут принадлежать как выходцам из визиготской Испании и Южной Галлии, так и дунайским германцам и их потомкам. Какие-то группы с Дуная могли попасть в Северную Галлию еще в эпоху, когда Северная Галлия входила в состав Римской им-

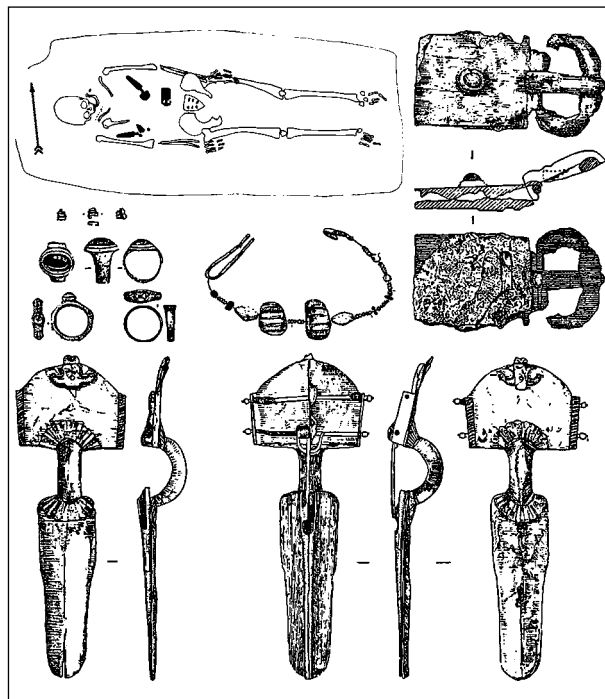

Рис. 11. Погребение 359 могильника Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) в Нормандии [Pilet, 1994]

3. Напомним, что до 507 г. территория Галлии к югу от Луары входила в состав визиготского королевства со столицей в Тулузе. В 507 г., в битве при Вуйе (Vouillé), около г. Пуатье визиготы были разбиты армией Хлодвига и Южная Галлия была присоединена к меровингскому королевству. Визиготы были вынуждены отступить за Пиренеи, и столица их королевства была перенесена в Толедо.

перии, но на самом деле управлялась военными предводителями, такими как Аэций, Эгидий, Павел, Хильдерик или Сиagriй, фактически Риму

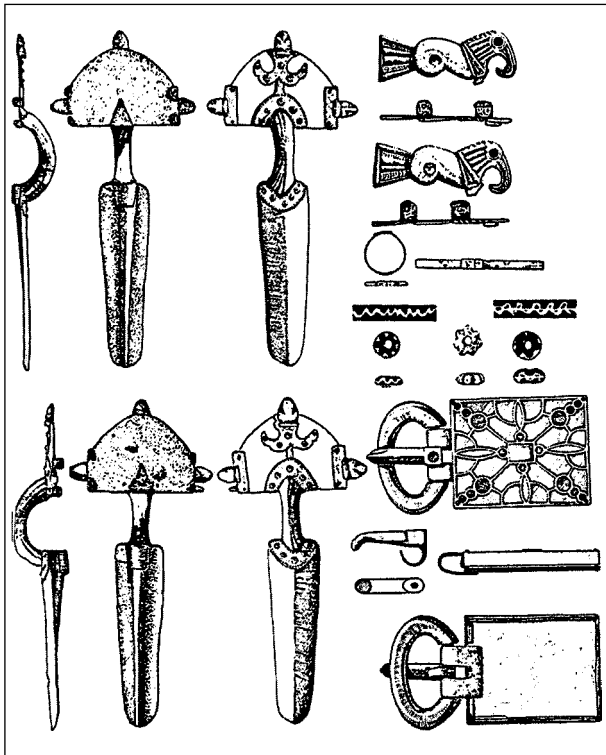

Рис. 12. Погребение 756 из могильника Вик (Vicq) в Парижском бассейне [Servat, 1979]

не подчинявшимися. Опору их власти составляла варваризованная армия, где выходцы из Восточной и Центральной Европы документально засвидетельствованы письменными источниками. Интересно, что могилы с восточногерманским костюмом встречаются только на территории к западу и юго-западу от территории, занятой франками до 486 г. (рис. 16). Их нет в ареале раннемеровингских королевств ранее эпохи Хлодвига [Bierbrauer, 1997, fig. 1]. Похоже, это подтверждает сравнительно раннюю дату расселения восточногерманских выходцев в Северной Галлии, до 486 г., видимо, еще в составе контингентов римской армии, как всегда, сопровождаемой семьями солдат, что и объясняет присутствие здесь могил с восточногерманскими фибулами и пряжками [Kazanski, Périn, 1997; Kazanski, Mastykova, Périn, 2008; Казанский, Перен, 2013, с. 252—260].

Среди погребений с восточногерманскими вещами, по позиции фибул можно выделить две группы. В первую мы объединяем могилы, где фибулы помещались на груди или плечах погребенной, как это и принято у восточных германцев, а на поясе находилась большая пряжка. К ним относятся, например, погребение 756 в Вик (Vicq) (рис. 12) в Парижском бассейне [Servat, 1979], погребение 359 в Сен-Мартен-де-Фонтене (рис. 14) [Pilet, 1994, p. 411] и погребение 529 во Френувиль (Frenouville) в Нормандии [Pilet, 1980, vol. 2, p. 262, 263], погребение 1094 в Арси-Сент-Реститю в Пикардии [Vallet, 1993, p. 116, 117], погребение 1 в Вильнев-о-Шатело (Villeneuve-au-Chatelot) в Шампани [Joffroy, 1976, fig. 1]. Иногда фибулы

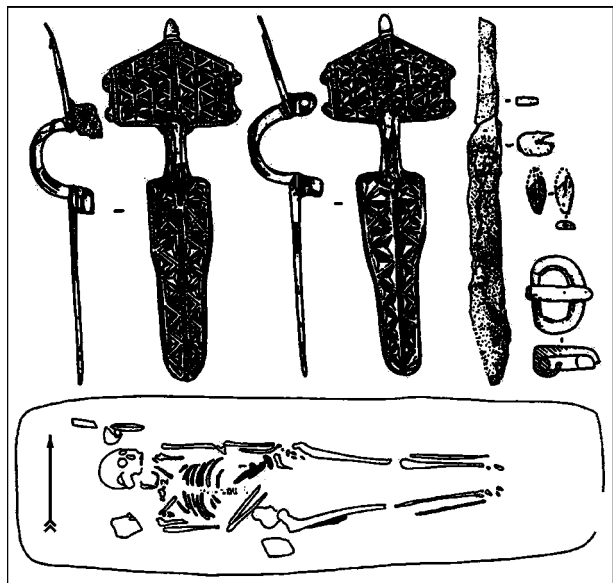
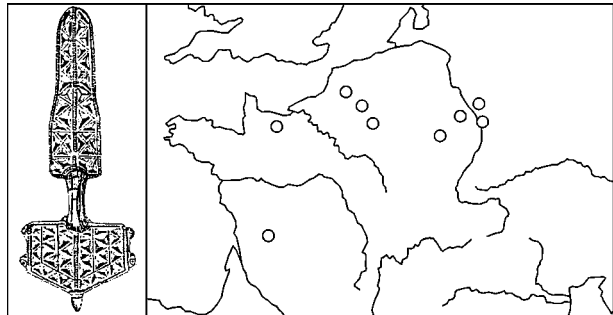

Рис. 13. Погребение 300 из могильника Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) и карта распространения фибул Майнц-Бретценхейм [Pilet, 1994]

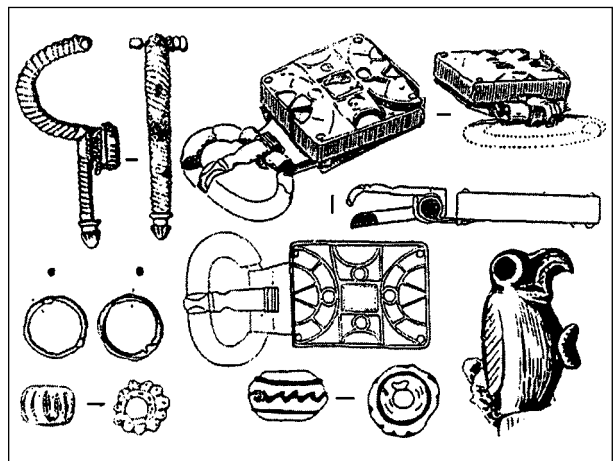

Рис. 14. Погребение 919 из могильника Гриньи (Grigny) в Парижском регионе [Bethelie, 1994]

не сопровождалась поясной пряжкой. Подобные случаи отмечены в пикардийских погребениях Арси-Сент-Реститю (погр. 127) [Vallet, 1993, p. 111, 112], Брени (погр. 167) (рис. 4, 167) [Kazanski, 2002, p. 94], Нувион-ан-Понтье, (погр. 303) [Piton, 1985, p. 135], Шассми (Chassemy) (погр. 5.1888) [Clauss, 1987, S. 602], может быть, Лавуа (Lavoie) (погр. 182) в Лотарингии [Joffroy, 1974, p. 120].

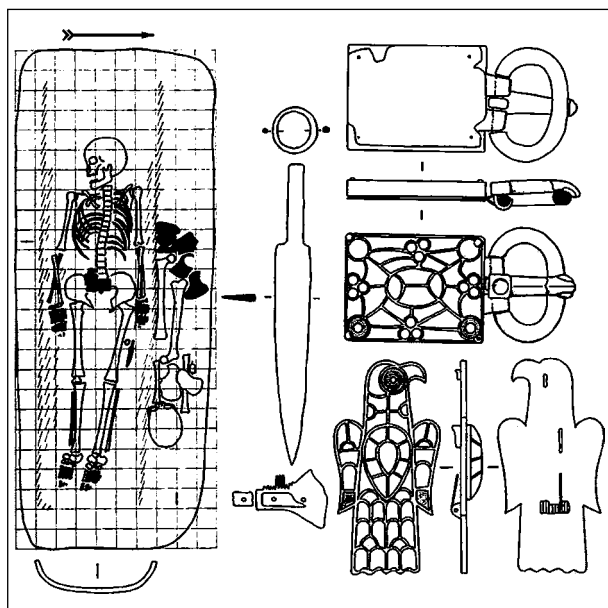

Рис. 15. Погребение 859 из могильника Кютри (Cutry) в Лотарингии [Legoux, 2005]

Наблюдается постепенное «размывание» восточногерманского убора, выразившееся прежде всего в его сочетаемости с инокультурными элементами. Так вышеупомянутая могила 756 могильника Вик под Парижем содержала, помимо обычной для восточных германцев пары фибул, еще и две малые птицевидные броши галло-римской традиции, характерные для романцев и франков (рис. 12).

Еще один пример постепенной аккультурации носителей восточногерманских традиций демонстрирует могила 741 из нормандского некрополя Сен-Мартен-де-Фонтене (рис. 17) [Pilet, 1994, p. 456, l. 93]. Погребенная здесь женщина имела в своем уборе две пальчатые фибулы на плечах и в области таза большую пряжку с прямоугольным щитком, украшенным декором в стиле перегородчатой инкрустации, т. е. костюм типичен для восточных германцев. Однако если пряжка имеет параллели у испанских визиготов, то пальчатые фибулы использовались местные, меровингские, с прямой ножкой, причем не составлявшие пару. Видимо, для совершения погребальных действий настоящих восточно-германских фибул уже не нашлось.

В некоторых случаях типичные восточногерманские фибулы, в том числе визиготские, иногда сопровождавшиеся большой пряжкой, помещаются на костяках «по меровингски», то есть на тазовых и бедренных костях. Это, например, захоронение 859 в Кютри (Cutry) в Лотарингии (рис. 15) [Legoux, 2005, pl. 93], погребение 919 в Гриньи (Grigny) в Парижском регионе [Berthelie, 1994, p. 80], погребения 270, 282, 300 (рис. 13) в Сен-Мартен-де-Фонтене в Нормандии [Pilet, 1994, p. 365, 367, 368, 372], погребение 472 в Редингене (Redingen) на Рейне [Jannsen, 1993, S. 304, 305], погребение 118 в Кельн-Мюнгерсдорфе (Köln-

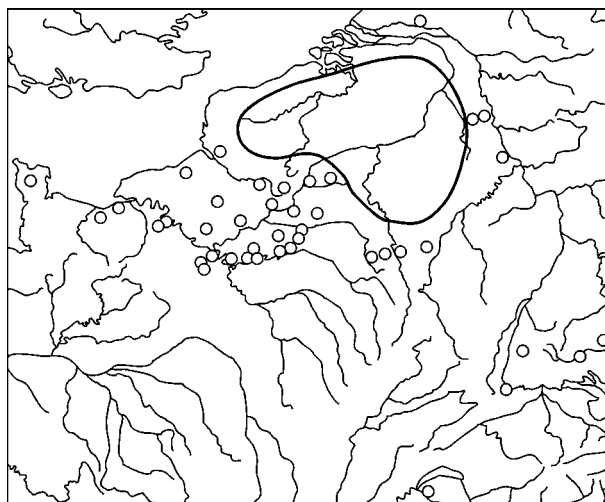

Рис. 16. Находки восточногерманского характера на раннемеровингских могильниках (по: [Bierbrauer, 1997]) и зона франкских королевств ранее 486 г.

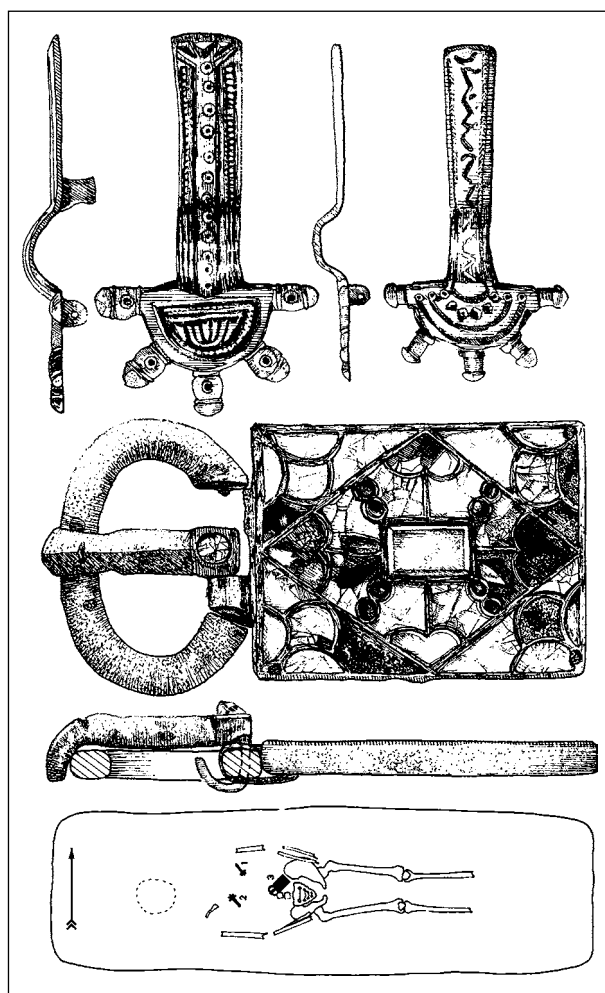

Рис. 17. Погребение 741 из могильника Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de Fontenay) [Pilet, 1994]

Mungersdorf), также в Рейнской области [Clauss, 1987, S. 602], погребение 140 в Нувион-ан-Понтье в Пикардии [Piton, 1985, p. 75]. Эти случаи ясно свидетельствуют об аккультурации восточных германцев в романо-франкскую среду.

Стоит подчеркнуть, что в могиле 300 Сен-Мартен-де-Фонтене череп погребенной имел выраженные признаки искусственной деформации [Pilet, 1994, p. 372]. Этот обычай хорошо известен у восточных германцев на Дунае, но он совершенно чужд как западногерманским франкам, так и визиготам [Buchet, 1988]. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что женщина, погребенная в этой могиле, родилась и провела детство в семье выходцев из Восточной или Центральной Европы. Впоследствии она была погребена с парой восточногерманских фибул типа Майнц-Бретценхейм (рис. 13, 1, 2), но помещенных в могилу на меровингский манер, когда погребенные уже, видимо, не четко представляли, как выглядит восточногерманский женский костюм. Интересно и происхождение фибул этого типа. Они имеют общую морфологию и пропорции восточногерманских двупластинчатых фибул позднего V — раннего VI вв., но при этом их пластины украшены рельефным декором, имитирующим кербшитт, тогда как практически все, за редчайшими исключениями, двупластинчатые фибулы у восточных германцев имеют гладкие щитки. При этом зона распространения фибул типа Майнц — Бретценхейм четко ограничивается Северной Галлией и Рейнской областью (рис. 13), где массового расселения восточных германцев не было [Kazanski, Périn, 1997, fig. 12]. Скорее всего это элемент субкультуры местной воинской среды времени конца Империи и начала меровингского королевства, сильно варваризированной и с заметным включением дунайско-германского и визиготского компонента [Kazanski, Périn, 1997, p. 211; Kazanski, Перен, 2013, с. 254, 255].

К сожалению, даже относительно хорошо разработанная хронология меровингских древностей не позволяет надежно выделить узкие хронологические страты внутри протомеровингского и раннемеровингского периодов I, охватывающих время от 440/450 до 520/530 гг., что не позволяет уточнить конкретную позицию закрытых комплексов «внутри» этого периода. Лишь отдельные могилы по типологическим признакам найденных в них предметов могут быть более или менее надежно определены как наиболее ранние [Kazanski, Périn, 1997, p. 205—207; Kazanski, Mastykova, Périn 2008, S. 153—158]⁴.

Можно, однако, предположить, что погребения с достаточно полным женским убором восточногерманского происхождения принадлежат первой генерации выходцев из германско-дунайской или визиготской среды, когда материальная культура, в частности женский костюм, со-

храняют свои традиционные черты. Погребения же, где предметы восточногерманского женского убора заменены на «местные» или же находятся в позиции, не характерной для восточных германцев, могут принадлежать уже второму, а то и третьему поколению мигрантов. Все восточногерманские черты исчезают в меровингской культуре к середине VI в., когда, видимо, и происходит полная ассимиляция их носителей.

Айбабин А.И. Этническая история ранневиантийского Крыма. — Симферополь, 1999. — 350 с.

Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.) // КСИА. — 1968. — Вып. 113. — С. 10—32.

Гонкало О.В. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum plus — 2011— № 4. — С. 179—210.

Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. — 2011. — Т. I. — 2011. — С. 27—58.

Казанский М., Перен П. Визиготы в Галлии (по археологическим данным) // АСГЭ. — 2013. — Вып. 39. — С. 240 — 266.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н. э. — М., 2009. — 500 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами // Петербургский Апокриф. Послание от Марка. — Санкт-Петербург; Кишинева, 2011. — С. 341—366.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения. — М., 2005. — С. 253—268.

Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII—XI в. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические вести. — 1994. — № 3. — С. 192—202.

Фурасев А.Г. Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI — начале VII в. н. э. (по материалам женского костюма) // Гуны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. — СПб., 2009. — С. 190—235.

Bethelier N. La nécropole mérovingienne de Grigny (Essonne) // Bulletin archéologique du Vexin français. — 1994. — № 27. — P. 75—80.

Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Itraien. — Spoleto, 1975. — 378 S.

Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.—7. Jahrhundert // Frühmittelalterliche Studien. — 1994. — Bd. 28. — S. 51—171.

Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc // Antiquités Nationales. — 1997. — № 29. — P. 167—200.

Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East—West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. — Warszawa, 2001. — 256 p.

Buchet L. La déformation crânienne en Gaule et dans les régions limitrophes pendant le haut Moyen Age: son origine, sa valeur historique // Archéologie Médiévale. — 1988. — T. 18. — P. 55—71.

Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch der RGZM. — 1973 — Bd. 20 — S. 147—180.

Clauss G. Die Tragsitte von Bügelfibeln // Jahrbuch der RGZM. — 1987. — Bd. 34. — S. 491—603.

Ebel-Zepezauer W. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.—7. Jh. n. Chr. — Mainz, 2000. — 365 S.

4. Впрочем, надо всегда помнить, что археологическая типологическая эволюция от «ранних» вещей к более «поздним» далеко не всегда пригодна для хронологических построений. Естественно, все понимают, что копия какой-то вещи не может быть ранее оригинала, однако промежуток времени, их разделяющий, может быть очень небольшим, буквально в несколько часов, что делает крайне ненадежными все хронотипологические построения.

- Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. — Bukarest, 1998. — 268 S.
- Jannsen W.* Das fränkische Reihengräberfeld von Rödingen, Kr. Düren. — Stuttgart, 1993. — 164 S.
- Joffroy R.* Le cimetière de Lavoye. — Paris, 1974. — 180 p.
- Joffroy R.* Notes sur trois sépultures franques découvertes à la Villeneuve au Chatelot (Aube) // Bulletin du Groupe archéologique du Nogentais. — 1976. — N° 10. — P. 19—25.
- Kazanski M.* Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. — 1996. — 5. — P. 324—337, 567—581.
- Kazanski M.* La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales. — Montagnac, 2002. — 269 p.
- Kazanski M.* Archéologie des peuples barbares. — București; Brăila, 2009. — 491 p.
- Kazanski M., Mastykova A.* Les origines du costume «princier» féminin des Barbares à l'époque des Grandes Migrations // Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age. — Paris, 2003. — P. 107—120.
- Kazanski M., Mastykova A., Périn P.* Die Archäologie der Westgoten in Nordgallien. Zum Stand der Forschung // Zwischen Spätantike und Mittelalter. — Berlin; New York, 2007. — S. 149—192.
- Kazanski M., Périn P.* Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. — 1997. — N° 29. — P. 201—217.
- Kazanski M., Périn P.* «Foreign» Objects in the Merovingian Cemeteries of Northern Gaul // Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility. — Mainz, 2009. — P. 149—168.
- Legoux R.* La nécropole mérovingienne de Cutry (Meurthe-et-Moselle). — Saint-Germain-en-Laye, 2005. — 542 p.
- Legoux R., Périn P., Vallet F.* Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. — Saint-Germain-en-Laye, 2006. — 65 p.
- López Quiroga J.* Arqueología del mundo funerario en la Península ibérica (siglos V—X). — Madrid, 2010. — 438 p.
- Marti R.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. — Lausanne, 1990. — 224 p.
- Martin M.* Grabfunde des 6. Jahrhunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG // Archéologie suisse. — 1988. — 11. — P. 167—181.
- Martin M.* Zur frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania // L'Art des invasions en Hongrie et en Wallonie. — Mariemont, 1991. — S. 31—84.
- Martin M.* Tradition und Wandel der fibelgeschmückten frühmittelalterlichen Fraenkleidung // Jahrbuch des RGZM. — 1991. — Jg. 38 — S. 629—680.
- Martin M.* Fibel und Fibeltracht. Späte Völkerwanderungszeit und merowingerzeit auf dem Kontinent // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. — Berlin, 1994. — Bd. 8, Lief. 5/6. — S. 541—582.
- Périn P.* L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les wisigoths en Gaule et en Espagne (V^e—VIe siècles) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. — Saint-Germain-en-Laye, 1993. — P. 411—423.
- Périn P., Feffer L.-C.* Les Francs. — Paris, 1997. — 463 p.
- Périn P., Kazanski M.* Les tombes féminines à costume «étranger» dans les nécropoles mérovingiennes de Gaule // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia «germánica» (ss. V—VII). Balance y Perspectivas. — Oxford, 2006. — P. 191—212.
- Pilet C.* La nécropole de Frénoville. — Oxford, 1980. — 3 vol.
- Pilet C.* La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay, Calvados. — Paris, 1994. — 550 p.
- Pinar Gil J.* Les tombes féminines à grandes fibules dans l'Ouest (ca 500): dispersion, chronologie, origine et interpretation. Un état de question // Wisigoths et Francs, autour de la bataille de Vouillé (507). — Saint-Germain-en-Laye, 2010. — P. 23—40.
- Piton D.* La nécropole de Nouvion-en-Ponthieu. — Berck-sur-Mer, 1985. — 372 p.
- Servat E.* Exemple d'exogamie dans la nécropole de Vicq (Yvelines) // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. — 1979 — N° 1 — P. 40—44.
- Tempelmann-Maczyńska M.* Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. — Krakow, 1989. — 180 S.
- Vallet F.* Parures féminines étrangères du début de l'époque mérovingienne, trouvées dans le soissonnais // Studien zur Sachsenforschung. — 1993. — N° 8. — P. 109—121.
- Werner J.* Zur Verbreitung frühmittelalterlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Antikvariskt Arkiv. — 1970. — T. 38. — S. 65—81.

М. М. Казанський, А. В. Мастыкова

ЖІНОЧИЙ СХІДНОГЕРМАНСЬКИЙ КОСТЮМ V — ПОЧАТКУ VI ст. В ПІВНІЧНІЙ ГАЛІЇ: ДВА ПОКОЛІННЯ

Робота присвячена еволюції жіночого вбрання східногерманської традиції у варварів в Північній Галії у ранньомеровінський час (середина V — перша третина VI ст.). У першому поколінні у варварських мігрантів зберігалося типове для східногерманських мігрантів жіноче вбрання з двома фібулами на плечах. У наступних поколіннях відбулася поступова деформація, а потім і зникнення цього костюму.

Ключові слова: східні германці, Галія, ранньомеровінський час, жіноче вбрання.

М. М. Kazanski, A. V. Mastykova

THE EAST GERMAN FEMALE COSTUME OF THE V — EARLY VI cc. IN NORTHERN GAUL: TWO GENERATIONS

The article presents the evolution of the costume tradition among the East German barbarian women in northern Gaul during the early Merovingian period (from the middle of the fifth to the first third of the sixth century). The first generation of barbarian migrants kept the traditional female costume with two brooches carried on the shoulders. In the next generations, this costume changed then disappeared.

Keywords: Eastern Germans, Gaul, ancient Merovingian period, female costume.

Одержано 21.03.2014.